

смягчения установившегося представления о вступлении и примыкающих к нему отрывках как о «чистой оде» (А. Слонимский).

Нельзя не заметить, что в статье Л. В. Пумпянского элементы оды обнаруживаются прежде всего на уровне образов и мотивов, причем очень широкого и общего характера — тема «потопа» (причем отмечается, что «изображение наводнения» переложено Пушкиным на беллетристический, в основе «онегинский язык»), образ «ожившего всадника», мотивы оссианической ночи, — и редко обращены собственно на язык. Из трех приведенных в статье речевых формул две («где прежде... ныне там» и «прошло сто лет») только г е н е т и ч е с к и восходят к некоторым одическим и даже более ранним образцам и вряд ли, следовательно, могли восприниматься в таком качестве в пушкинское время (кстати, «где прежде — ныне там» возникло в тексте поэмы не сразу; ср. варианты «и там, где финский рыболов», затем в сочетании с разговорным *бывало*). Что касается третьей формулы — «юный град... Из тьмы лесов, из топи блат...», то приведенные в статье параллели из Сумарокова, Шатрова, Боброва, Мерзлякова, к которым надо добавить еще отмеченную М. Аронсоном и, может быть, наиболее близкую к Пушкину из Шевырева, а также из «Петербурга» Вяземского («Я вижу град Петров чудесный, величавый,/По манию Петра воздвигший из блат»), то она является, как верно замечает Л. В. Пумпянский, «ссылкой на готовую формулу» (лишь «отредактированную» Пушкиным); этот цитатный характер формулы, разумеется, резко ослабляет ее прямую стилистическую функцию; вообще *град* в применении к Петербургу, если это специально подчеркивается, выступает почти обязательным поэтическим его наименованием (см. кроме «юный град», «град Петров» также и «Петроград», который не был официальным названием Петербурга, а выступал как его поэтический вариант); впрочем, в черновиках *град* встречается гораздо чаще, и его устранение вряд ли связано с сознательным стилистическим заданием. Так, в монологе Петра первоначально было «здесь будет град» (с рифмой «пушки заторчат»), несколько раз в сцене наводнения появлялось «по граду», ничем не замененное; особенно любопытна — как показатель определенного безразличия к вариантам *град-город* — работа над стихами «ночная мгла/На город трепетный сошла», где последовательно было: «... на город ... сошла», «на град встревоженный сошла», «на город бедственный сошла», и, наконец, «на город трепетный»; очевидно, что выбор варианта *град* или *город* полностью зависит здесь от поисков определения.

Вообще традиционные лексические элементы высокого стиля, отчасти переродившиеся в условные приметы общего поэтического языка, вопреки мнению об «обилии славянизмов», незначительны в поэме¹⁷, в том числе и в так называемых «одических» ее частях, и не прикреплены, как правило, исключительно к «теме Петра»; см. например, кроме упомянутых, *лик*, *чело* (не только применительно к всаднику, но и к Евгению), *стогны* (из нескольких попыток применить это слово, оно осталось только в одном случае — в отрывке о «покойном царе»), стилистически ослабленные *глава*, *брега*, *очи* (применительно и к покойному царю, и к Евгению, причем непосредственно после его прозаических размышлений), *хлад*, *хладный*, *полнощный* в значении «северный». *Да умирится* — не «одизм», а скорее историзм, не только восходящий к летописной формуле, но и сохраняющий колорит старины¹⁸, *краса и диво*, *красуйся* не звучат архаично, их высокий колорит раскрывается лишь в контексте. Наиболее архаичное место в поэме фраза «Народ/Зрит божий гнев и казни ждет», но и это идет не от традиции «высокого стиля», от оды, а от, условно говоря, «библейского стиля»

¹⁷ См. верное замечание на этот счет в статье: И л ь е н к о С. Г. Из наблюдений над лексикой поэмы Пушкина «Медный всадник». Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 76, 1949, стр. 232.

¹⁸ См. В и н о г р а д о в В. В. Очерки по истории русского литературного языка, М., 1938, стр. 237.